№ 6

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1924 Ленинград, Просп. 25 Октября, д. № 114, кв. 17. Тел. 1-77-60 ЦЕНА 25 КОП

ХУДО БЕЗ ДОБРА

Рис. Н. Радлова

Семянное зерно поступает на места слабо.

— Что ж это, мужичок, поле у тебя пустое?
— Семссуды дожидаюсь...
— Семссуды?!.. Спасайтесь, товарищи вредители! Он решил взять нас измором!..

ОТПУСКНИК

Прощай, казарма красная
И грозный Ленинград!
Вперед! Дорога — ясная.
Возврата нет назад!

Да мне-ли, мне-ли *ленинцу*
Итти иным путем?!
Вся Русь бурлит и пенится,
И дышит октябрем!

Приду в село Высокое,
В шинели — рядовым...
Навстречу — синеокая
С мальченкой годовым.

Отец и мать — с расспросами
О ситце, о плугах:
— „Попы длинноволосые
Сидят на мужиках...

Пропахла самогонкою
Деревня!.. Пьет мужик!
Видал-ли деньги звонкие?
А ты не большевик?“

— „В те дни, как скорбь свинцовая
Легла у стен Кремля —
Я жизнь увидел новую
И к вам принес, в поля...

Вступил я смело в ленинцы,
По смерти Ильича.
Хочу со тьмой померяться —
Силища есть в плечах!“

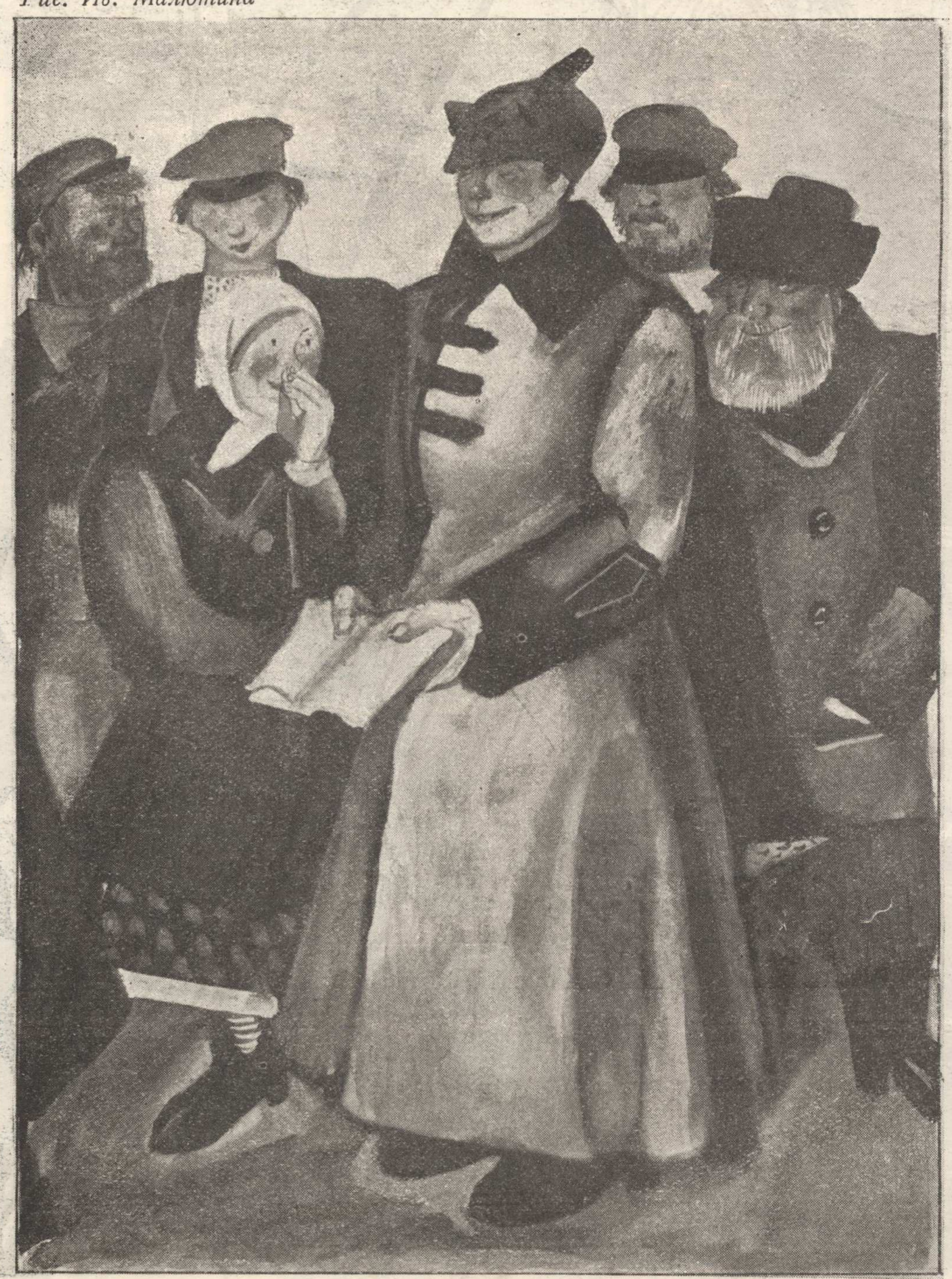
— „Ох, батюшки угодники!“
Крестясь, сказала мать:
— „Съума сошел ты, родненький?!
Тебе не сдобровать“...

В душе солдата пенятся
Идеи Ильича.
Встречай, деревня, ленинца!
Мятежника встречай!

Н. Тихомиров

СНОВА В ДЕРЕВНЕ

Рис. Ив. Малютина

— А вы, Семен Пафнутьич, по чину — енерал будете или кто?
— Генерал? Таких, как я, тетка, генералы во как боятся!
О-о!... Еще выше, стало-быть!?

В НАГЛЯДНОМ ПЕРЕВОДЕ

Как известно, дипломатические всякие докум нты, ноты, телеграммы, грамоты и тому подобные официальные литературные произведения, пишутся всегда на мало кому понятном иносказательно, загадочно-шарадном языке. Это делается нарочно,— так как многие люди привыкли думать, что все непонятное очень умно. К счастью, мало кто эти произведения читает, — кому они нужны? Однако же бывает иногда — нет, ведь, правила без исключений — что и из дипломатического произведения можно сделать кое-какое употребление. Например: телеграмма из Вены от 27 марта о заседании румынского совета министров,— очень поучительная телеграмма. Очень, очень интересная телеграмма... Я приведу здесь эту телеграмму целиком, как она есть, а потом переведу её на простой человеческий язык, — чтобы всем было понятно.

Итак:

Вена, 27 марта. — При обсуждении в румынском совете министров вопроса об инструкциях румынской делегации на венской конференции рассматривались два предложения. Согласно первому из них, румынская делегация должна при самом начале переговоров потребовать признания принадлежности Бессарабии к Румынии в качестве предварительного условия для дальнейших переговоров. Согласно второму предложению, исходящему от оппозиционных кругов, румынская делегация должна прежде всего возбудить дискуссию по политическим вопросам и затем поставить заключение экономического соглашения в зависимость от признания принадлежности Бессарабии к Румынии со стороны С. С. С. Р. Благодаря поддержке Братиану, было принято первое предложение.

Тарабарщина, не правда ли? Ничего не понятно! Но вот — перевод:

Вена, 27 марта. — Румынский совет министров обсуждал вопрос о том, как сорвать венскую конференцию: сразу же, в самом начале, или потом, немного погодя. Были внесены два предложения. Одно — сейчас же сорвать: притти, заявить: „Бессарабия наша“ — и — адье, до-свиданья. Другое — немного, всё-таки, для проформы, дурака повалять, а потом уже сорвать. Второе предложение было внесено либералами и демократами, первое — консерваторами. Либералы и демократы доказывали, что надо, ведь, господа, всё-таки, как-никак фасон держать, что скажет Европа? Надо сделать вид, что мы желаем сговориться, жаждем соглашения... А консерваторы им в ответ:

— Наплевать на Европу! Что нам Европа когда за нас Пуанкаре. Пуанкаре важнее Европы...

Тут, может быть, в этом пункте, возгорелся между либералами и консерваторами спор: кто, действительно, важнее? — Пуанкаре или Европа: Вроде как в „Женитьбе“ Гоголя — спор между тётушкой и свахой:

— А купец пожалуется на дворянина губернатору.

— А дворянин — сенатору.

— Врешь, врешь. Губернатор выше сенатора...

Консерваторы доказывали:

— Пуанкаре ушел — и опять пришел. Возобновился Пуанкаре, омолодился, начинает все сначала. Трепещи теперь Европа!..

В конце концов либералы сдались. Было принято первое предложение:

— Сорвать — и никаких гвоздей. Без дураковаляния и фасонодержания...

Поучительно, а?

Когда эти строки дойдут до вас, читатель, венская конференция будет уже, конечно, сорвана, и пресса будет с ученым видом знатока размышлять вслух:

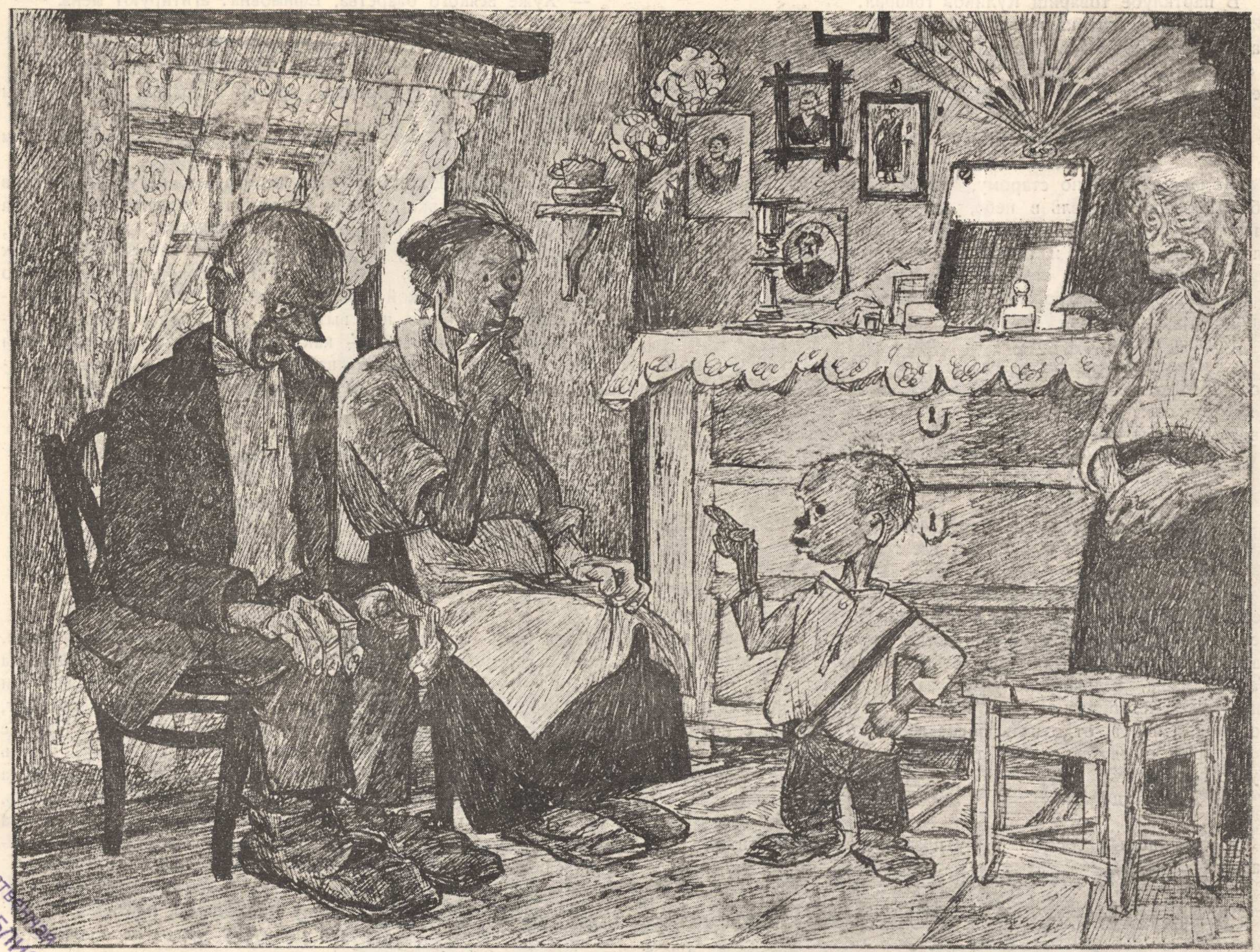
— Как же это произошло? Почему? Отчего?

А вы уже будете заранее знать, почему и отчего. Оттого, что Пуанкаре важнее Европы.

А Меньшой

АГИТ-ДЕТИ

Рис. Б. Антоновского

— Ты, тятька, почему в партию не записался? Тепереча меня ребята нашей улицы в игру не принимают. У нас, говорят, комячейка, а ты, говорят, беспартийный сопляк! Чего-же мне — в комнате сидеть из-за вашей несознательности?!

КИНО В ДЕРЕВНЕ

Товарищ Бадарин предлагает:

— Каждая губернская и уездная кооперативная организация должна приобрести хотя-бы один передвижной кино-аппарат, чтобы демонстрировать на лекциях и докладах в деревне картины по сельскому хозяйству, по кооперации и т. д.

Предлагаем вниманию тов. Бадарина нижеследующую сценку — в будущем времени, но безусловно с натуры.

— Ну, вот, — сказал, потирая руки, представитель кооперативной губорганизации, — аппарат куплен. Теперь дело за фильмами. Что у вас, товарищ, имеется по сельскому хозяйству?

Агент кинотреста пренебрежительно пожал плечами.

— По сельскому хозяйству? Все, что угодно. Говорите конкретнее. Например, о посевах?

— О посевах очень хорошо, — оживился губкооператор.

— О посевах могу вам предложить американскую фильму: „Чарли Чаплин садит картошку". 1500 метров. Сильно-комическая. Снята в Техасе. Идет под „Гиавату". Ноты „Гиаваты" могу предложить дополнительно по...

— Может-быть по скотоводству что-нибудь есть? — робко спросил губкооператор. — Только не сильно-комическое.

— По скотоводству? Не сильно комическое? Сколько угодно! Усиленно рекомендую „Тарзана". Из практики разведения обезьян и жизни в их обществе. Увлекательная сюжетность. 16 частей. 4.000 метров. Снято в Африке, Азии, Индии и Южной Америке. Идет под „Алешу-ша". Ноты „Алеши-ша" могу предложить дополнительно по...

— А нет-ли... — робко заикнулся губкооператор. — Ну, техническое что-нибудь. О тракторах, о плугах. Чтобы подтолкнуть крестьянина к усовершенствованиям, к изобретениям...

— Изобретения — наша специальность, — скромно сказал киноагент. — В рассуждении изобретений могу предложить „Женщину, которая изобрела любовь". 1200 метров. В раскраску. Снято в Остенде. Идет под „Осеннюю Песню" Чайковского. Ноты „Осенней песни"...

— Это не совсем то, — устало сказал госкооператор. — Может-быть, по строительству что-нибудь? Для развития архитектурных навыков и вкусов в деревне.

— По строительству могу рекомендовать шедевр, — сказал киноагент. — И для навыков и для вкусов. На сюжет о возведение грандиозного сооружения в духе рафинированного ориентализма. Соединение архитектурной грандиозности с тончайшей психологией. 6 000 метров. 3 серии. 12 частей. Идет под „Венгерские танцы" Брамса. Ноты „Венгерских Танцев"...

— А... название? — тихо спросил губкооператор.

— Название — тоже в своем роде шедевр, — сказал киноагент. — Гарантия битковых сборов. Испытано в пяти частях света. Броско, кратко и красочно. „Индийская Гробница", если слышали... Прикажете завернуть?

Об этом вы подумали, товарищ Бадарин?

А. д'А

В ТРАМВАЕ

***Котелок** (шляпе, шопотом)* — Знаешь, что такое МОПР?

Шляпа — Ну?

Котелок — Мама, Отдай Папе Рубль. Хи-хи!..

***Кепка** (громко)* — Это, если слева направо читать а справа налево выходит: Рукой Пролетарской Одернем Мерзавцев

КЕСАРЕВО-КЕСАРЕВИ

— Ага наш полпред Юренев был принят итальянским королем. Беседа продолжалась 15 минут.

— С короля хватит. Чать, Юренев — эльвист.

АГИТПРОП

В партклубе товарищ Куликов говорил:

— Спайка, спайка и спайка. Глубже в массы, товарищи. Рассасывайте обывательщину, спорьте, доказывайте, боритесь с отсталостью, и не нужно, товарищи, ловить журавля в небе — берите за хвост синицу, которая у вас под рукой тут-же, дома, в семье.

Комсомольцы — Константин и Настасья — внимательно слушали.

Дома все было по старому, по обывательски. В углу висел обывательский журавль в небе, бог; у печки грел свою, перевалившую за восьмой десяток спину старый обыватель — дед со слезящимися глазами и вечно трясущейся головой. Обывательница мать копалась в стряпне и ворчала.

— Выростила ветрогонов на свою шею. Только и знают по клубам трепаться.

Коська захлопнул книжку.

— Партклуб не есть учреждение вроде кинушки, в которое треплются, но в которое ходят для просвещения темной массы мозгов. Прежде под гнетом старого режима тоже процветали клубы, но не парт, а карт, которые агитировали очко.

— Ладно, ладно, запел!.. Поумнее тебя слыхала...

— Мы-же с Настюшкой, как пролетарский элемент...

— Сказано: заткнись!

— Товарищ мамаша, в порядке дискуссии, — со стороны...

— Посуду лучше вымой, вот где твоя сторона.

Коська за сестру.

— Закрепощение женщины мытьем и катаньем, вот как-бы тебя, мамаша, в качестве домашней хозяйки, есть нарыв на теле революции. То ли дело нарпитовская столовая с общественной варкой обедов при наличии газет и литературы для трудящихся. Там, мамаша, человек получает за одну плату два питания, физическое и моральное, там каждый, не зная горшков и сковородок, может отдохнуть после работы без возни с посудой.

Старый обыватель, дед, тряс восьмидесятилетней головой, будто говорил:

— Да, да, да, да.

Мать сидела у соседки и, утирая тихие слезы, тихо жаловалась.

— Нету мне покоя от детей, Ефимовна.

— С чего это?.. Озоруют?

— Хуже всякого озарства, Ефимовна: агитируют меня.

— Ах, ты, господи!..

— Каждый день, как придут домой — ду — ду — ду — ду.

— Скажи на милость!.. Кто-же это, Коська аль Настюха?

— Оба, один в левое ухо, другой в правое. В две дуды дудят.

— А ты бы в спор с ними. Они тебе слово, ты им десять.

— Пробовала, Ефимовна, слов не хватает, нету у меня слов настоящих. У Коськи словарь куплен, так я потихоньку слова из него заучивала, которые позаковыристее, да где мне, в памяти не держутся, Коська с Настюхой как запустят, как запустят — такие слова, мне дуре и не выговорить, не то что в понятие войти башкой своей темной. И что уж я ни вытворяла, чтоб дурь-то из них вытрясти. Раз ночью лбы им крещенской водой опрыскала — как вскокнут оба, увидели меня с водой и давай, и давай в два языка на смену. Я уж с головой накрывалась, под подушку лезла — они знай свое ду — ду — ду — ду. До самого утра спать не дали, окаянные.

— Поди, врут все?

— Ох, правильно дудят, очень даже бывает правильно.

— Ах ты, господи!.. И что же? Неужто действует?

— Ох, действует, Ефимовна, действует.

— Батюшки!..

— Не доверяю я, Ефимовна, попам нашим, не доверяю.

— Что ты, опомнись!..

Соседка испуганно замахала руками и перекрестилась.

Дома мать старалась не разговаривать, делала все молча. Если уж совсем нельзя обойтись без слов, скажет нужное да и то под какую руку случится. Иной раз разсердится, дня три ходит словно воды в рот набрала, пальцами только покажет, объяснит знаками и ни слова. Сама тоже переменилась. Прежде бывало первое удовольствие ей потараторить с бабами, власть за церковь ругнуть, а теперь серьезная такая стала, никуда не ходит, все дома. А раз забыла под праздник лампаду зажечь, спохватилась да масла деревянного не оказалось, так и не горела лампада. Потом в церковь как-то случилось не пошла, пропустила службу. Не пошла и второй раз и третий.

Лампада давно не зажигалась, масло высохло, пыль налетела, от фитилька к Серафиму-угоднику протянулась паутинка.

Заметил как-то Коська, что книги у него на полочке не в порядке.

Может, думает, Настюшка брала, спрашивает:

— Ты, что ли, здесь рылась?

— Не трогала я.

Стал Коська устанавливать книги, смотрит в политграмоте закладка — материна шпилька. Смекнул Коська, какой чтец новый, и порядок на своей полочке не стал устанавливать: пусть мать думает, что никто не заметил шпильки, не знает про чтение.

А мать между тем начала куда-то уходить каждый день. Колька с Настюшкой спрашивают, куда — не отвечает, молчит.

— Уж не говеет-ли?

В субботу мать оделась во все праздничное и ушла с утра.

— Так и есть, причащаться пошла. Пропала наша партработа!..

К обеду мать возвращается да такая веселая, будто займовский главный выйгрыш отхватила. Коська ей навстречу с поклоном.

— Поздравляю с принятием святых тайн!

Мать на него козырем.

— Попал пальцем, ковыряй дальше. А поздравить есть с чем!

И кандитатским партбилетом перед Коськиным носом помахивает.

— Ну, товарищ мама, если так, позвольте сделать обмен товарищескими рукопожатиями!.. Поздравляю! Руку, товарищ!

Настюшка на стул вскочила.

— Дорогой товарищ мамочка!.. В этот памятный день наши ряды пополнились новой партработницей...

Товарищ мать подняла руку.

— Стой, товарищ доченька, я теперь сама пущу агитацию.

И подошла к деду.

— Дорогой товарищ дед!.. Лишившись трудов, ты сыциально очень даже обеспечен и живешь ты можно сказать, как у Коминтерна за пасухой, на полной норме всех твоих прихотев до самой гробовой доски, которая тоже по дешевому тарифу...

Товарищ дед раскрыл восьмидесятилетний рот и прошамкал:

— Жалаю...в кумсамол!

К. Мазовский

У ЮПИТЕРА-ГРОМОВЕРЖЦА

Рис. Н. Радлова

Шкет. **Кремни серые для зажигалок!.. Серые кремни... Попробуйте, дяинька, для молниев: благодарить будете!**

КООПЕРАТИВНОЕ

Ай да лавки! Вот так лавки!
Ну и лавки—смех один:
Два шнурочка, три булавки,
Пудра, лак и гуталин.
Но зато приказчики—
Важности образчики!
Снисходительно опросит,
Министерски оглядит;
Снимет шнур, зевнет и... бросит:
Получил и уходи...
Тоже, лезут с пустяками,
Тормоша из-за грошей,
Будто, с теми же шнурками,
Нету частных торгашей!

А у частного в лавченке
Министерских взоров нет:
Даже крохотной девченке,
В рваной, ситцевой юбченке—
И почтенье, и привет!
Своего не прозевает
Коммерсантская душа:
По хозяйски крепко знает
Цену каждого гроша:
Непригляден грошик малый,
А попрет, за грошем грош,
Глядь, и вышел в капиталы—
Затевай тогда, что хошь!

Пусть он гнида, пусть он Каин.
Этот самый живоглот,
Но—рачитель и хозяин:
Так дела свои ведет—
До ушей разинешь рот!
А у нас, наоборот:
Продавец—кооператор—
Без пяти минут сенатор
И, Карл Маркс его прости—
Папа римский без шести!!

И сенатору и папе
Хорошо бы... дать по шляпе
И к мамаше отослать,
Для острастки, так сказать!

Вас. Князев

РОСТ АРМИИ

Призывные комиссии по приему нового набора в Красную Армию, получили предписание освобождать от военной службы призываемых ниже 153 сантиметров роста.

Рис Б. Антоновского

— Э-эх, ты! Без двух вершков командарм!

ИЗ ОДНОЙ ПЕРЕПИСКИ

I.

(Заказное письмо)

Радуюсь, душечка, что ты благополучно добралась до благословенного юга. По тону твоего письма вижу, что дело пойдет на лад: такого бодрого, веселого настроения у тебя ни разу не было в Москве. Вот, что значит волшебное лоно природы, пенье птиц и прочие пейзажи!

Как только будет возможно, получу отпуск и приеду, чтобы вместе бродить по горам, ущельям и отдохнуть душой в дикой атмосфере кавказских пленников.

Извини, если пишу несвязно. Дело в том, что второй день сижу за учебой: штудировал „Азбуку Бухарина", а теперь хочу взяться за первый том Ленина. Что поделать! — Совершенно неожиданно затеяли проверку ячеек РКП, с целью исключения „наиболее слабых и неустойчивых элементов, податливых к соблазнам нэпа и неспособных противостоять и бороться с мелкобуржуазной стихией". Видишь,—какая закорючка!

Очень радуюсь, моя дорогая беспартийная мелкобуржуазная стихия, что ты в этот миг не со мной и не мешаешь мне произвести соответственную „мобилизацию" и принять ряд экстренных мер. Только-бы поскорее кончилось!

Вчера комиссия громила ячейку Гума... Василий Никанорович исключен за „излишества". Маныкин представил медицинское свидетельство на автомобиль, но, вероятно, не поможет—исключат и Маныкина! Дело в том, что в удостоверении не оговорена необходимость компаньонки, а он, как ты знаешь,—всегда с балериной К... Вообще, строгость ужасная!

Ах, эти автомобили! Многих они выкатят из партии. Кстати, разузнай в Тифлисе, не о Захарии ли Христофоровиче написано в газете. Прилагаю целиком газетную вырезку.

ЗА ОТРЫВ ОТ МАСС.

„Тифлис, 23 марта. 19 марта на Плехановском проспекте автомобиль, управляемый ответственным работником Вирапом, наскочил на трех работниц, причинив им тяжелые повреждения. ЦК и ЦКК коммунистической партии Грузии, признав, что Вирап не имел права управлять автомобилем без требующегося для этого разрешения, постановил снять Вирапа со всех ответственных советских и партийных постов. В постановлениии, между прочим, указывается, что Вирап, переняв буржуазно-аристократические навыки и манеры, откололся от партийных кругов и рабочей массы".

Какая, душечка, в этом злая ирония судьбы: оторвался от рабочих масс и нарвался на трех работниц!..

В трамваях очень тесно, но это ничего, — я привыкаю, по крайней мере, ни на кого не наскочу...

Был вчера в опере. Не можешь себе представить, как душно на галёрке. Театральный билет (галёрочный!) показал сегодня, вскользь, секретарю: пусть знает, что я не откалываюсь от масс. Ловко?!

Кланяется тебе Андрей Петрович—забегал утром за „Конституцией РСФСР"—ужасно дрожит перед проверкой. Спрашивал, не выглядит-ли черезчур мелкобуржуазно. Я посоветовал ему толстовку и бриться раз в неделю.

Ну, до свидания. Храни тебя *(зачеркнуто)*. Твой Яша.

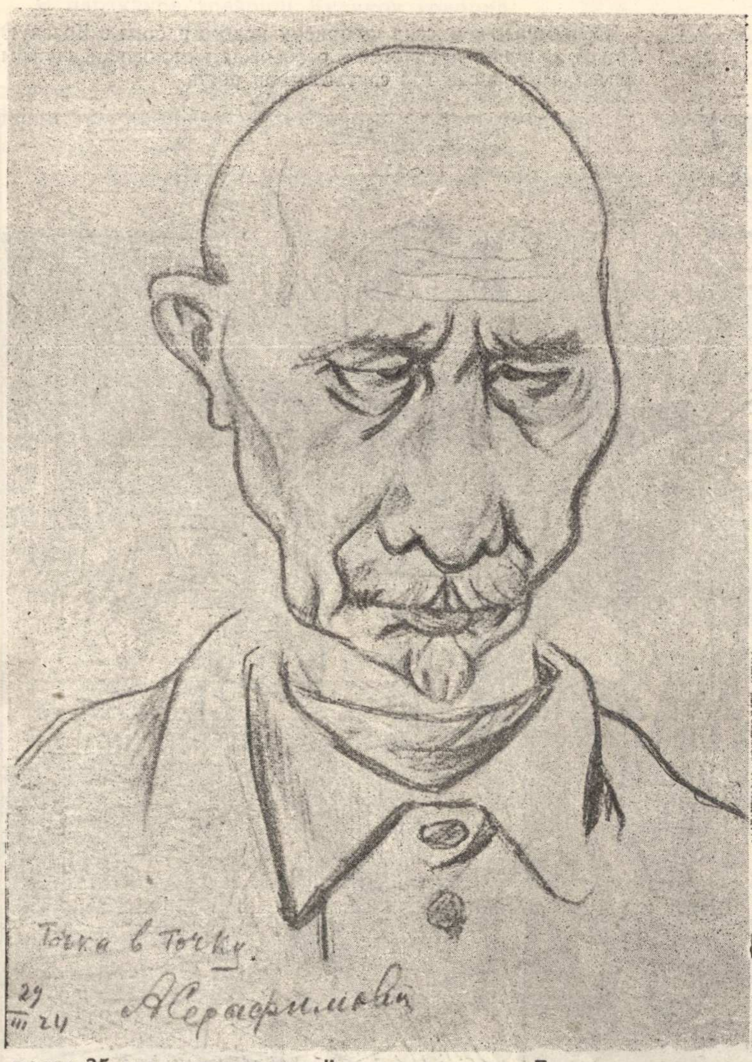
II.

(Срочная телеграмма)

— Выкатили. Выезжаю, скорым пятницу. Яков.

Ив. Пр.

А. С. СЕРАФИМОВИЧ

после 35 лет литературной деятельности. Боялись, что читатели не поверят и просили самого Серафимовича засвидетельствовать сходство Он и засвидетельствовал: „Точка в точку“! Помещаем по этому под его собственную ответственность.

ШУРКА

Вычищенным „непроизводственникам“ посвящается

Никто не знал, чем занимается Шурка, где живет, и есть у него жена или нет, и т. д. Может быть в паспорте все это и прописано, да нельзя же ни с того ни с чего у человека документ спросить! Изредка появляется он в Москве, но и в эти редкие минуты поймать его нет никакой возможности. Встретишь на улице:

— Я тороплюсь... Сейчас к председателю реввоенсовета бегу...

— Да постой. Где ты остановился? Зайду, поговорим...

— В Кремле. Только мне некогда... Уезжаю...

Когда удавалось остановить его на большее время он рассказывал кое что и о своей жизни.

— Я в Козлове... или нет, в Ряжске—не помню где; двадцать городов переменил и ниоткуда не отпускали—ценят очень!.. Так там у меня семь комиссаров: как что надо, крикну: „комиссар!“—и бегут со всех ног! Всех в ежовых рукавицах держу... Ну, прощай, некогда!..

— Да ты хоть адрес скажи!

— Адрес? задумывается Шурка — так прямо и пиши: Торжок .. т.-е. тьфу, что я! Архангельск... Или нет, пиши прямо в Астрахань — когда ты мне будешь писать я уже в Витебске буду... Записал?

— Записал.

— Ну, так мне, Александру Петровичу Маслову...

— Как Маслову? Сидорову!..

— Что ты, Сидорову! Вот чудак! Да я за это время семь фамилий переменил! Так и пиши — Лямзину, меня в Костроме каждая собака знает!

— Так ты, говорил, в Витебске?

— Все равно! Только спроси, где Шишков живет — тебе сразу укажут. Ну прощай, некогда!..

Так и убежит, оставив в полном недоумении. И в каждый приезд по новому одет: то военный, то штатский. Два года пропадал безо всякой весточки, только раз письмо пришло из милиции: запрашивали, где находится Александр Сидоров, но ответа никто дать не мог.

Наконец сам появился, собственной персоной.

— Шурка! Ты?!

— Я, как видишь!

Видно что потрепало голубчика основательно! На шинели места живого нет, на ногах опорки ..

— Что с тобой?

— Устал я.. Работы столько навалили, приехал отпуска просить...

— А ты еще не демобилизован?

— Куда! Я в Краснококшайске на месте председателя совнаркома работаю...

— Какой же там совнарком?

— Ну, в Одессе... Я там над всеми трестами председатель.. Сил моих нет! Отпуск прошу — Ленин согласен, а Троцкий не хочет: — „Поработайте“, говорит, „Александр Петрович“...

Больше его не видели. Получил он отпуск или нет, неизвестно, только через полгода в провинциальной газетке промелькнуло имя Сидорова — и, инициалы его — в качестве привлеченного к суду по делу о краже трех мешков соли. Но в такое превращение трудно было поверить.

Приехал он недавно — и в еще более непривлекательном виде Говорил он усталым голосом, еле языком ворочал.

— Сейчас, — говорит, — мое дело в совнаркоме разбирают.. Семь наркомов за меня, семь против.. „Не хотите-ли“, говорят, „Александр Петрович, в председатели трибунала“...

— Ну?!

— Не согласился...

— Не согласился?

— Да мне и в льнотресте предлагали, я и то не пошел. Свой трест открываю — я с Керзоном списался: он тоже в мое дело капитал вкладывает...

Тут его в первый раз пришлось остановить.

— Да ты ведь врешь все! Сознайся, что врешь!

Шурка застенчиво улыбнулся, потом выпрямился и собрав все свои силы сказал:

— А хоть бы и вру—тебе то какое дело!

Мих. Козырев

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ЛИНГВИСТИКА.

Век живи, век учись, а дураком помрешь!

До сих пор мы не имели понятия о структуре испанского языка.

А вот по компетентному разъяснению сотрудника „Красной Газеты“ —

„Испанский язык многим отличается от русского“.

Неужто — **многим**?!

Нельзя ли, кстати, узнать: чем же, хотя-бы и совершенно не многим, испанский язык похож на русский?

„ПОПРАВКА“

„Тверская Правда“ озабочена исправлением досадной опечатки:

Опечатка. В № 54, в подзаголовке одной из производственных заметок, напечатано: „этот способ... обеспечил бы равномерное отделение товаров“. Вместо слова *„отделение“* следует читать *„отдувание“*.

Прекрасно! Пусть будет вместо *отделения — отдувание.*

А все же — что это за способ такой, который обеспечивает *отдувание (!?)* товаров?

СТЕННАЯ КИНО-БЛОХА

Этот сорт блох водится на стенной Театральной Газете (Ленинград и отличается лекомысленным отношением к „великому русскому языку“)

„Опыт интервью“.

Получив вполне проверенные сведения о том, что в кино-театре „Паризиана“ появились блохи, которые исправно кусают посетителей, мы решили проверить на деле, насколько эти жалобы справедливы.

Искать нам долго не пришлось. Едва мы вошли в комфортабельное помещение кино-театра *„Паризиана“*, как сейчас же *она* приветливо прыгнула к нам навстречу.

После того, как „Паризиана“ приветливо прыгнула навстречу автору, можно ли удивляться следующей цитате из написанной им-же рецензии:

„За политром Самосуд, — которого судить не за что, а похвалить следует“.

Что такое — политр? Если рецензент перевел дирижерский пульт, по метрической системе, в литры, — смеем уверить его, — он проделал совершенно ненужную работу.

КАМЕРНАЯ ГРОЗА

В театре Камерном, зевая,
Промолвил я не без слезы:
Люблю грозу в начале мая,
Но в марте не люблю „Грозы“.

НЕМНОЖКО ХРОНОЛОГИИ

Кому-же не известно, что война с Германией началась в 1914 году?! А вот кому — „Красной Ниве“.

„Красная Нива“ (№ 13) дает свою хронологическую дату:

„Газеты полны негодованием. Это единственное убийство, о котором можно было *писать в 1916 г.* Шеломин вынужден бежать в свой город, но и там его не оставляют в покое. *В это время начинается война с Германией*“.

Этак даже Иловайский не врал...

СКАЗКА И БЫЛЬ

Рис. В. Лебедева

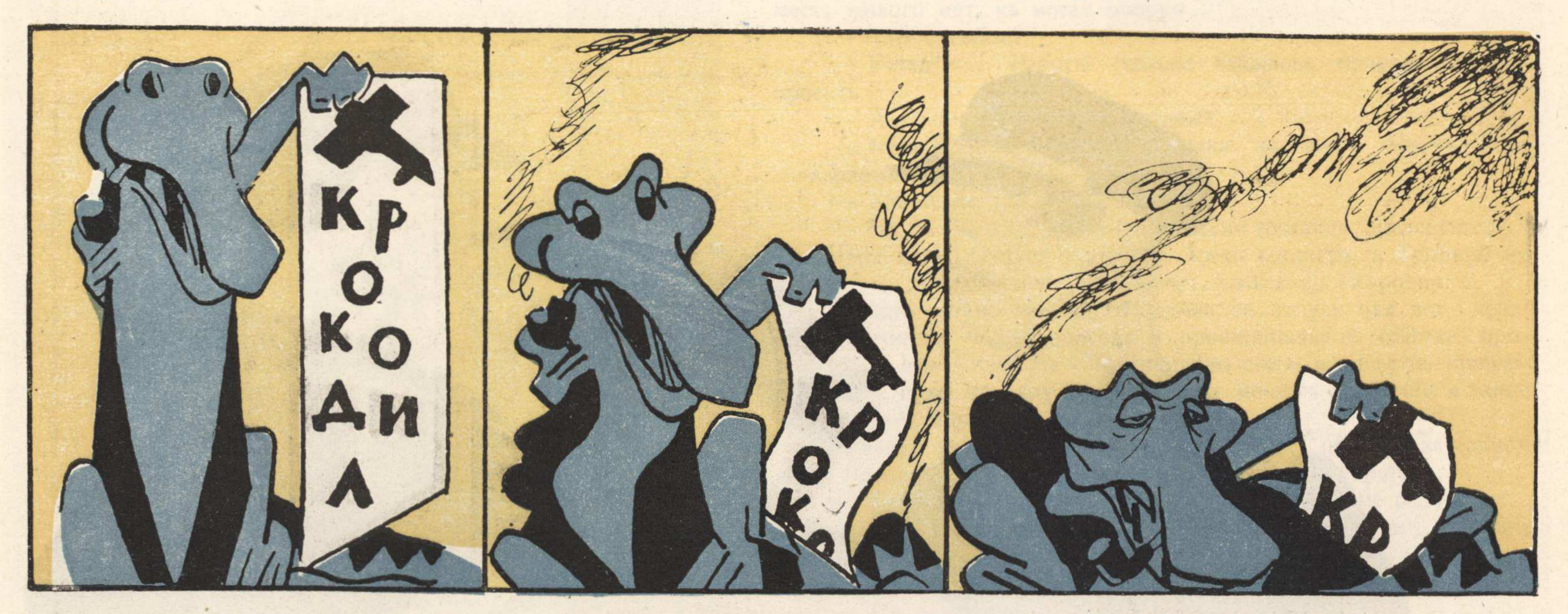

— У меня как в сказке — неразменный рубль завелся.
— Как так?
— Очень просто. Второй день на мелочь разменять не могу.

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО ПУСТЫНИНА

Секретарю „Крокодила“ М. Я. Пустынину дружески посвящаем.

Рис. Ив. М.

Ты послал свой взнос на аэроплан „Крокодил“?

Ты послал свой взнос на аэроплан „Крокодил“?!!

Ты послал свой вз...
Каюк: Заместо аэроплана, душа вылетела...

В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ

Тетка Анисья, жена Митрия Маточкина — на деревне первая разговорщица. Страсть любит языком растрепаться. Недаром и прозвали ее по городскому:-Тили-звон!

Вот эта Анисья Тилизвон сразу всем и разболтала:

— К Лопатиным то, слыхали.. сын вернулся... Петька, красный армеец... У-у-у!.. Такие дела развел—не подходи! Мать—и та жалуется. Рази, грит, ето солдат? Вот, грит, старший приходил,—царство ему небесное, место покойное—утонул спьяну... Вот, грит, он приходил из службы—четверть водки! бочку браги! Мужиков назвал! Три дня пили! Огурцов одних соленых два ведра, сердешные, слопали! С похмелья—цельную неделю лежа-ал! Во как! А уж дрались-то! Милые мои, как дрались! Да я и сама помню. У мужа моего отчего нос на сторону глядит? Все тогда! Да чай дядя Антип ему и подправил? Али не помнишь, дядя Антип?

— Как не помнить... помню. Хорошие были времена...

— А теперь етот-то... Петюнька-то, — прямо как и не солдат. Ни на что не похож!

— Да что ты?

— Разрази господь! Мать его спрашивает—когда мол пироги печь, угощение обчеству делать,—а он и нос отвернул. Смеется... Это, грит, вред рассудку. Я, грит, этот вред рассудку должен уничтожить. Я, грит, обязан свет и грамоту в деревню въядрять.

— Так и сказал?

— Слова не прибавила.

— Ну уж это пусть он других въядряет. А мы и сами ядрёные.

— А еще, говорит, я, говорит, должен бороться со старыми наследствами.

— То есть как это? К примеру?

— А уж не знаю. Значит, вроде, как кто умрет-то наследство его чтоб делить что-ли... Либо в совет—уж не знаю...

Старики заволновались:

— Фигу ему. И на него управу найдем. Какой начальник нашелся. Ему бы борону волочить, а не обчество учить. Шапку то с его скинем.

— Знамо дело, отшерстим.

— Мы ему голову на место поставим.

Замшелый, большой дядя Федот долго молчал, но теперь заволновался:

— Стой, мужики! Стой! Може у его какой приказ есть. Тетка Анисья! Ты там у его чево не видала ли?

— Видела, милые, видела... Книжки какие-то, китради, и он прочитал даже и рукой по ней постукал: — Вот, грит, мамаша, наказ красному армейцу. Я, грит, из него выйти не волен.

— Вот видишь, как дело то оборачивается? А вы распетушились:— Шапку скинем! Отшерстим! Тут совсем другой заворот делу выходит. Ему от Москвы полномочия дана.

Мужики задумались.

* * *

В тот же вечер в избе у Федота было тайное собрание всех мужиков. Пришел председатель совета Степан Еремин, пришел Ванька — секретарь.

— Поглядеть бы, что у ево там за бумажка. Може там ничего и нет.

— Да! Поди-погляди! Он те поглядит. Думаешь, он покажет? Он вон уж третий день носу не кажет на народ. А намедня справлялся — когда, мол, сход будет.

Митюньку Федотова мальчишку послали к Лопатинской избе караулить:

— Ты гляди, что он там делать будет.

Митюнька прибежал испуганно-радостный:

— Читает. Сразу в две книги читает.

Мужики заробели:

— Выходит дело, надо подтягиваться.

— Стой! Давай все по-порядку.

— Перво-на-перво ты, дядя Антип, свой аппарат подальше запрячь и Лексею скажи. Неровен час,—осматривать начнет. Понял?

— Как не понять. Чать своя шкура-то и мне дорога.

Степан Еремин забеспокоился распорядиться по начальству:

— Ванька — ты там все бумажки и буквументы — раскумекай. Разложи куда надо. И вообще. Понял?

— Там у меня и раскладывать нечего. Бумаг-то раз два - и обчелся.

— А газеты? „Беднота“?

— Эва! Спроси-ил! А кто ее — эту „Бедноту“ — на цыгарки выкурил? Кто?

— Ну, кто?

— Дурака то не строй! Будто не знаешь! Сам, чай, и выкурил.

— Да... Нехорошо получается... Как же это дядя Степан? А? Сам курил, а другим не показывал? Зря что-ли мы тебя приседателем выбирали?

— Ладно! Потом сочтемся. Тут штука поважней. К школе и к совету надоть красный флаг навесить.

— У нас один только.

— Как один? А другой где? С буквами?

— А Санька мой в какой рубашке ходит? Сам же мне разрешение дал.

— Так снять с его рубашку.

— Да она сшитая.

— Все равно. Какая ни есть — повесить.

Рыжий, худой мужиченка, долго жавшийся где то в углу, вдруг выскочил на средину избы:

— А-а! Дождались! Дождались, молодчики! Теперича я в своем праве. Ты, Степан, клин у меня оттягал у Заречного болота. Теперича — мы поговорим. Я все ему расскажу. Как ты душу черту продал.

Степан побагровел:

— Дядя Влас! Дорогой! Подожди..

— Ах! Теперича — я стал дорого-ой! Вона куда метнул! Нет, брат, шалишь!.. Покедова ты мне клина не отдашь — я...

— Отдам, отдам. Бери! Твой клин. Вот перед обчеством признаю... Ну?

— Что ну? Рази я чево? Я всегда говорил — ты мужик хороший.

— А что я еще хотел сказать. Теперь — держись. До схода — не пить! Шабаш!

— Да ведь праздник завтра!

— А вот погоди! Он те пропишет праздник...

Мужики разошлись поздно, угрюмые, деловитые, злые.

* * *

Петька Лопатин пришел на сход и изумился. Все были в сборе, все были трезвы, как стеклышко. А кое-кто даже волосы смазал лампадным маслом. У совета трепался по ветру красный флаг.

Петька подумал:

— Тут мне и делать нечего. Ишь как они без меня сами подтянулись. Вот что значит совет.

И принялся держать речь.

Говорил о том, что нужно выписать газету, что надо помочь школе, что надо бросить трехполье, говорил про крестьянский заем, про новые деньги, про разную политику. Говорил про баб, что не надо мол их обижать.

Мужики слушали. Молча кивали головами. Голосовали и на все соглашались.

Петька был счастлив. Сердце его наполнилось гордостью. Можно будет обо всем послать в газету.

И написать: — „светоч деревни — Петр Лопатин“...

Когда он кончил, тетка Прасковья бросилась ему в ноги:

— Спасибо тебе, родной, голубчик! Мой то ирод с тех пор как ты приехал — четвертый уж день не пьет. Свет я через тебя увидала.

Степан Еремин легонько ее отстранил:

— Молчи, тетка Прасковья! Им сейчас некогда! Может чайку у меня откушаете, Петр Матвеич? Кстати, поговорили бы и о делах? А?

Петька сиял.

Вас. Лебедев

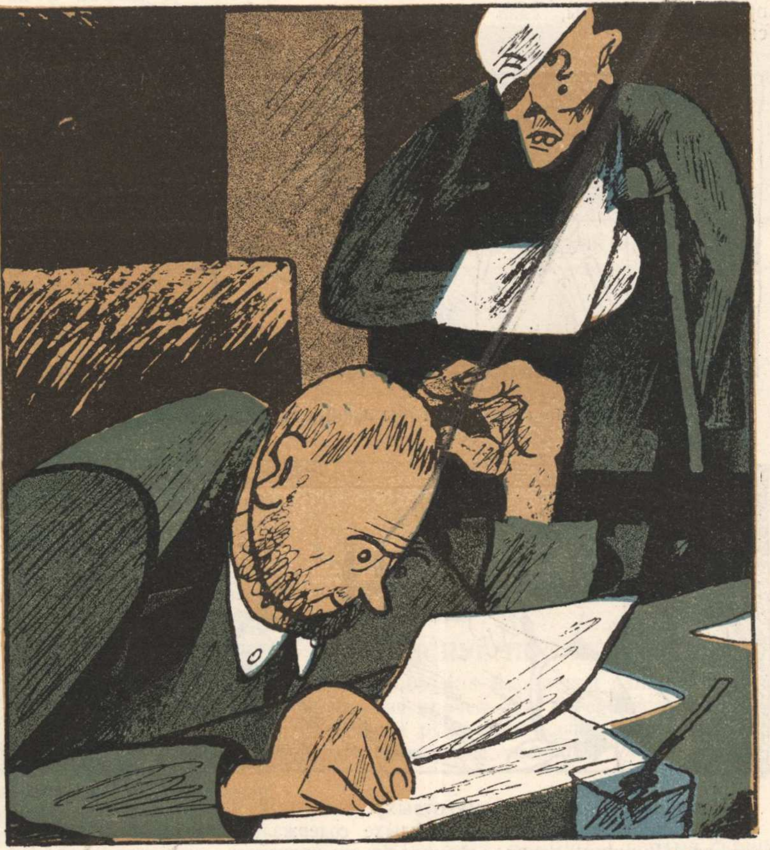
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Рис. Ив. Малютина

ДВА ПОНЯТИЯ

— Дай пятерку до завтра...
— Не могу. Я тебе не касса взаимопомощи...
— Напротив! ты, именно, похож на кассу: она тоже не дает.

ОБРАЗЦОВЫЙ БЮРОКРАТИЗМ

— Здеся, товарищ, инвалидное способие выдают?
— Здесь. Напишите собственноручное заявление и станьте в очередь.

СВЕРХ — ПОЖАРНЫЕ

— Ванюков, плесни на балку — опять, подлая, загорелась!..
— Эта балка, Василь Иваныч, в сверхурочные пойдет,—потому я норму выполнивши: десять, балок, пять слуховых окошек и $^3/_4$ вентиляционной трубы...

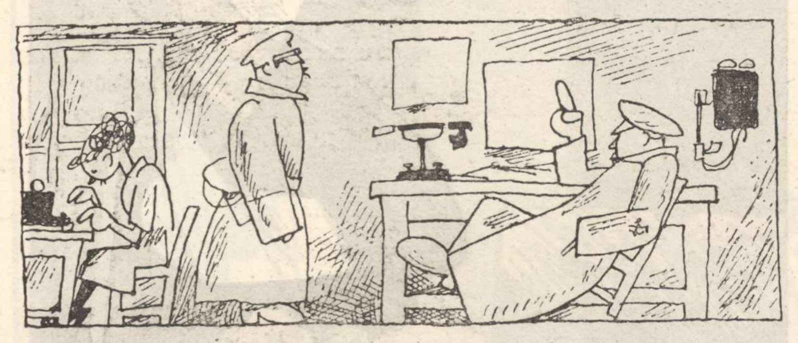
В ПОРЯДКЕ ЦЕННОСТИ

— Вагон-то, вагон переполнен!.. Как-бы под колесья не кувырнуться..
— Лезь ты первой, Дарьюшка: ты, всетаки, в страхкассе записана,—тебе и под вагон сподручней попасть..

НА$^{Ч}_{Х}$АЛЬСТВО НА ОТДЫХЕ

(Заглавие на выбор)

Начальник I-го рацона Сев. ж. д. Шишкин, устав от долгой и напряженной работы, сдал дежурство своему подчиненному Войкину и сказал:

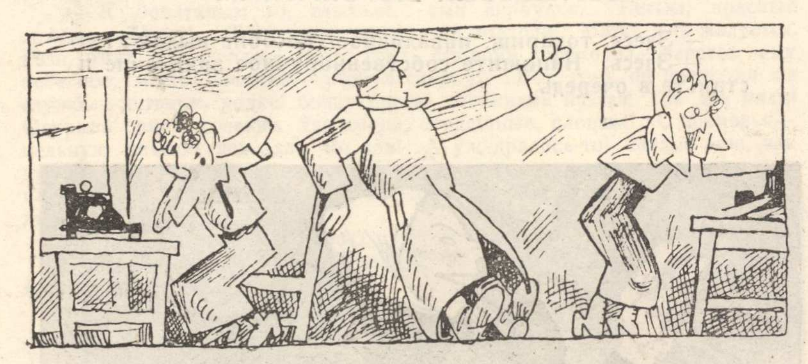

— Только у меня строго! Чтобы пьяных там или дебоширов — ни-ни!

И предался заслуженному отдыху.

Но так-как в заслуженном отдыхе содержалось от 15 до 25^{0} алкоголя, то Шишкину вскоре пришло на ум проверить, как несет охрану Войкин.

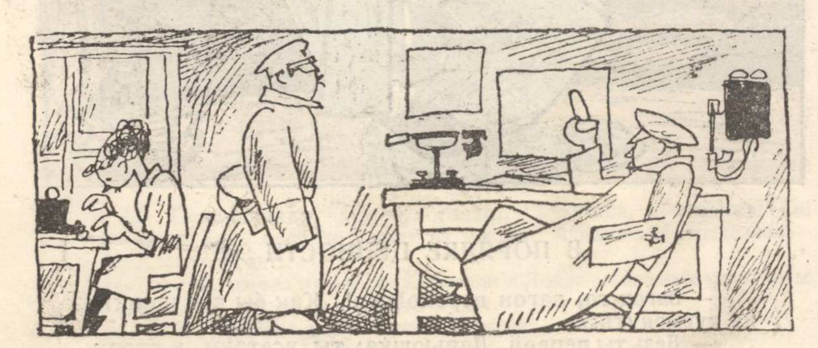
Во-первых, полный заслуживающей поощрения экспансивности, Шишкин познакомил телеграфисток с образцами изящной русской словесности.

Во-вторых... В третьих... В четвертых...

А утром Войкин рапортовал, что „за срок его дежурства все в районе обстояло благополучно“.

На что Шишкин благосклонно ответил:

— Это хорошо. А то — у меня на этот счет строго! Чтобы пьяных или дебоширов — ни-ни!

ДЕНЬГИ, ХУЖЕ КОТОРЫХ НЕ БЫЛО.

— Ну, знаете, всего я мог ожидать от Советского Правительства, но только не такого глумления. Это такое издевательство, такая мерзость, что я и ума не приложу.

Вы на то смотрите, что уж ежели я — человек тихий, человек смирный заговорил, так уж, значит, не в моготу.

Я понимаю, когда раньше ничего нельзя было купить, — разве я протестовал? Отнюдь. Нет, ну и суда нет. Но теперь, теперь!

Вы подумайте, — получил я двадцатого жалование. Причитается мне со всеми вычетами 42 руб. 15 коп. Ладно. Казалось бы чего проще, — дай ты человеку четыре червонца, два — 15 мелочью и конец, отходи. А у меня как раз в эту минуту возьми да лопни подтяжки. Я, конечно, чтобы не было конфузу, — потому как у нас есть в служащих и мамзели, — отошел в сторону. А когда снова к получке жалованья вернулся, глядь, — я последний.

Артельщик и говорит:

— Как я, товарищ Умасов, просчитал и не расчитал, то у меня на ваше счастье все 42 р. 15 к. серебром остались. Будьте, — грит, — счастливы.

Я конечно, сомневаюсь и говорю:

— Взять можно, но только чтобы по курсу и если сертификаты, то майские.

— Да, нет, — грит, подлинное серебро!

И выкладывает, — прошу сообразить, — восемьдесят полтинников, двадцать гривинников и один пятиалтынный.

И — „это — грит — ваше, просю расписаться“.

Я, конечно, дурак, взял и расписался. А артельщик поумнее меня, — сейчас шапку в охапку, да и деру, — только его и видали.

Что тут прикажете делать? Ну, я взял носовой платок, завязал 80 полтинников, 20 гривенников и один пятиалтынный и с огорчения домой пошел.

Жена, конечно, дама безмозглая, рада:

— Ах, Акакиюшка, как я тебя люблю и как приятно, что ты жалованье получил.

Ну, чтоб ей разом рот замазать, я и отрезал:

— Можете полюбоваться, чем заплатили!

Глянула и обмерла:

— Ах, какая распрекрасота!

Звякать начала, из руки в руку пересыпать.

— Ах, какая прелесть! Ах, ах, ах!

Сижу, молчу, жду! Жду, что она через четверть часа заговорит.

— Я, — грит, — Акакьюшка, в лавочку за хлебом сбегаю, — дай денег.

— Вот, — отвечаю, — пожалуйста! Все на столе лежат, бери любую монету.

И вижу я на лице ее игру, - нет у ней силы этот блестящий звенящий кружок лавочнику отдать.

— Хоть бы одна старенькая! А то все новыя!

— Неси, — говорю, — неси!

— Акакьюшка, не могу! Рука не поднимается. Дай бумажку.

— Нет бумажки.

Опустилась она на стул и борьбу внутреннюю переживает.

— Нет, нет, нет, — говорит, — не могу, — как это возможно такую монету за хлеб лавочнику отдать.

И первый раз с 920 года без хлеба обедали.

Лег я после обеда часок поспать, — проснулся, гляжу нет денег.

— Я их спрятала, — шопотом сказала жена, — пока ты спал, я половицу подняла, ямку выкопала и спрятала.

Я с ней, конечно, вполне согласен, но все же спросил:

— Это к чему же?

— Как к чему? Вес свет шесть лет серебряные деньги прячет, а ежели нам такое счастье привалило, да мы не спрячем, так нас же дураками назовут.

— Правильно, — говорю, — исход один прятать, потому другой раз такого счастья не будет. Только вот, как же нам насчет хлеба к вечеру.

— И керосину нет.

Но все таки удержались, — денег не откопали.

С тех пор прошло три недели. За это вр мя я продал свой пиджак, а жена вязаную кофточку. Кое как прожили семнадцать дней. А с йчас пятые сутки сидим не евши и ни рубля денег нет! А на службу ходи! А шесть часов работай! Да как же на вас чертей работать, если вы платите такими деньгами, что нет никакой силы от кармана их оторвать!

И какая подлость! Не в моготу вчера стало, — решили мы отнесть на черную биржу один гривенник. Вы знаете, сколько нам за него предложили? Десять копеек золотом! А! Кррррровопийца! Мы говорим „новенький!“ и „со звоном!“, — а эти дьяволы только смеются.

И что делать, что делать, голова кругом идет...

Евграф Дольский

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ОПРОМЕТЧИВОСТЬ

Из Екатеринбургской „Крестьянской Газеты"

Под этой вывеской мы скоро начнем печатать адреса всех самогонщиков. Крестьяне, пишите, кто у вас занимается этим производством и сообщайте адреса самогонщиков. Давайте вместе бороться с этим злом.

Только печатайте, товарищи, правильные адреса, не то обидится какой-нибудь матерой самогонщик и напишет он вам писульки в эдаком, примерно, роде:

— Товарищ ледахтур. По причине, как Тараса Лампадкина и Секлетею Софронову и Крысана Митрева и Тереху Скапидарова вы обозначили полностью и теперь у них безперечь дай господи каждому, даже и из города приезжают, как печать есть шестая держава, и у околицы прямо их спрашивают. А мой адрес неправильный и я не Сердюков, а Бердюков, к чему подписываюсь, а адрес супротив сполкома, где петух над крышей. Сделайте божескую милость насчет правильного адреса, а я вашей милости завсегда. И у меня дешевше. Так и напечатайте...

РЕДКАЯ ПТИЦА

„В „Мосправде" читаем любопытное известие:

На днях в одной из частей киевского гарнизона врачу для лекции понадобилась вошь. Долго искали в белье красноармейцев, но нигде найти вши нельзя было.

Наконец то!.. Одно внушает опасение: спрос есть, предложений нет. Не поднимутся ли цены на это редкое явление?

А, впрочем, какое ж оно редкое?! Читайте:

НА ПОДБОР

Пишет рабкор „Гудка" 154:

„В помещении паровозных и кондукторских бригад ст. Кустаревка (Моск.-Каз.) вшей столько, что . . ."

Пишет рабкор „Гудка" 15:

„Одна, две, три, десять тысяч, сто тысяч... Стали считать да так и не сосчитали, сколько вшей в дежурной комнате машинистов и смазчиков на ст. Серпухов (Моск.-Курск.)..."

Пишет рабкор „Гудка" 296:

„Для паровозников 4 уч. сл. тяги ст. Тверь (Окт.) курсирует между ст. Бологое и ст. Тверь вагон отдыха. Количество вшей в этом грязнейшем из грязных вагоне.."

Московско - Казанская. Московско - Курская Октябрьская. Иностранцы могут с полным правом сказать:

— Паразительные у вас в СССР железные дороги!

„ВСЯКОЕ ДАЯНЬЕ БЛАГО"

Об одном таком „даяньи" рассказывает „Красное Приазовье":

В Степнянский ВИК явился поп и просил принять от него пожертвование для детской колонии им Луначарского в сумме ровно... $2^1/_4$ зол. копейки, требуя выдачи установленной расписки.

Секретарь стал стыдить попа. Поп, не смущаясь, продолжал стоять на своем.

А почему стоял на своем? Это, братишки, понимать надо. Может, за несчастным попом — в раю недоимка в $2^1/_4$ копейки золотом? Может, без представления господу богу установленной расписки, местечка поп лишится в раю?!

А несознательный секретарь стыдил — стыдил, — пока, осерчавши, не выставил жертвователя, в шею...

Не по евангелию это... „Блажен, иже и скоты милует"...

ХИРУРГИЯ

Как известно, хирургия ставит себе целью удаление больных или бесполезных частей, нарушающих правильную деятельность организма.

Но появляются в хирургии и совершенно новые методы.

Врач больницы (по сообщению Башкирской „Власти Труда") применяет такой способ лечения больных: он сначала больного запугивает, говорит, что болезнь очень опасная и требует серьезного лечения. Напуганный больной предлагает врачу *гуся, поросенка, меду, масла* и все, что угодно, лишь бы врач вылечил от опасной болезни.

Безболезненно удалив гуся, поросенка и прочее, отягчающее больного, врач быстро побеждает такое опасное заболевание, как, например, чихание, или звон в ушах...

Да здравствует хирургия!..

ЕЩЕ „НОВОЕ" ИМЯ

Послушайте, как расписывает о вновь изобретенном имячке Краснодарский „Голос Рабочего":

Трещит и лопается по швам старый отживший быт. Трещит под напором нового пролетарского быта.

Рабочие куют новый быт

26 февраля в клубе „Пролетарий" состоялись Октябрины. Мальчику дали имя Степан,—в честь Степана Халтурина.

Не похоже, чтобы старый быт „трещал по швам".

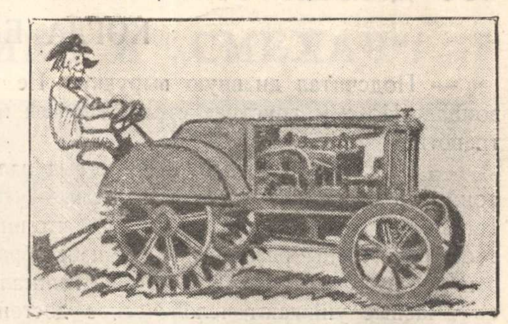
И младенца жаль... Любой Ким ему впоследствии нос утрет:

— А ну, — скажет — докажи, что ты зовешься Степаном в честь Халтурина, а не преподобного Стефания?!

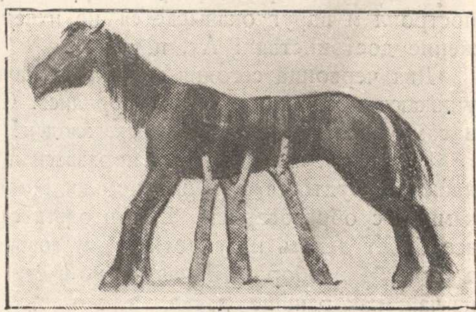
Придется бедняге специальное удостоверение предъявлять...

Волокита...

ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ

Живой крестьянский инвентарь.

Мертвый крестьянский инвентарь.

ИСПУГ ПРОЛЕТПОЭТА

Недавно обо мне Воронский написал.
Пока я не прочел—уж натерпелся страху.
Я книгу в руки взял, как бы идя на плаху...
Уфф! Слава тебе, господи! Ругал!

Без имени

ВЕНСКАЯ ГАРМОНИЯ

— Уж кажется румыны — первые скрипачи.

— А первую скрипку все-таки сыграл Кретинский.

НА ПАПЕРТИ

— Все они, матушка, зря болтают. Куды они без бога то...

— Да... Вот и у меня племянник у их при газете служит. Кресткором говорит. Вот и здесь без креста не обошлись.

ПОНЯЛ

— Черт! Теперь понял с чего это их страхкассами зовут.

— А что?

— Да ломал вчера ночью одну — чуть не засыпался. Такого страха набрался!

НА ВОКЗАЛЕ

— И опять, значится, опоздает дней на пять...

— Что?! Поезд??...

— Нет. Зарплата. Про нее мы толкуем.

З А Й Ч И К

Рис. А. Радакова

Раз-два-три-четыре-пять,
Вышел зайчик погулять.
Вышел зайчик биржевой —
Прыг да прыг по мостовой...

Вдруг охотник выбегает
Прямо в зайчика стреляет:
Пиф паф! — Ой-ой-ой!
. . . .

На
Урале
Зайчик
Мой!

ЧТО ДУМАЕТ СТАРЫЙ ЛАКЕЙ, КОГДА ЕМУ НЕ СПИТСЯ

— Подсчитал дневную выручку. Не плохо: почти два червонца. Но тем грустнее стало. Не шел и сон. И все думы, все тревоги.

— И какой их только чорт выдумал этих большевиков! — донимали старика испуганные мысли, — что ни день то выдумка! Теперь пожалуйте, — ресторан самый что ни на есть первоклассный, а они все стены разной ерундой избезобразили. Чаевые им поперек дороги стали! И чего чего не написали только!

„Чаевые унижают человеческое достоинство". — Новое дело! 35 лет по первым разрядам работаю, дом в деревне на чаевые построил и вдруг оказывается по ихнему это не дом, а „унижение достоинства"! Ах, изуверы!

Два червонца сегодня собрал, — значит по ихнему и червонцы унижают достоинство?! Договорились! Сами выпускают червонцы и сами против них идут, — ах, злодеи!

И ведь первые дни как поразвесили эти свои плакаты дело наше как-будто даже лучше пошло. Гость у нас жирный, с цепочками и с образованием. Ему что эта самая власть не пиши, — он все будет делать насупротив. Ему говорят: нельзя давать на чай, а он себе наоборот. Заплатит по счету и говорит: вот, это тебе на-чай, как раньше давал, а вот это еще тебе за унижение твоего достоинства, — получи, — хочешь? — Известное дело, — кто от денег отказывается, только пониже поклонишься, „премного благодарны", — скажешь. И гостю удовольствие и сам доволен.

Так было все на лад и пошло и вдруг здравствуйте вам пожалуйста! — объявили всем, что за получение чаевых даже из союза исключать начнут. А исключат — и совсем без места сядешь...

О, господи, и за что ты наказуеши! Бывало раньше то и союзов никаких не знали и об достоинствах никаких думать не думали, а жили дай бог всякому, не то что теперь.

И гость другой совсем был, и богатый и обходительный. Иной раз бывало не угодишь, не так подашь или просто не поймешь, чего он спьяну хочет, так он, бывало, тебе и в морду за это плюнет, — ну так что-ж, — оботрешься, — салфетка всегда подмышкой, — а сам уже знаешь что и получишь за это не меньше пятерки, а то и десятку. И хорошо. Деликатное обращение было. Такого гостя и уважаешь... Иной раз, ей-богу, случалось так, что и нарочно не угодишь ему, чтобы плюнул, а потом и заплатил... У каждого свои соображения!

А теперь — что?! Гость хотя и жирный, а все не то, постоянства в нем нет. Только что зачтешь его в постоянные посетители, только начнешь к нраву его прилаживаться, а он, — глядь, — уже в Бутырках, чуть побогаче уже и готов. Вот и работай!.. Сегодня сумел угодить подсудимой кампании — вот и заработал почти что два... Хорошие господа попались и всего только три раза сволочью назвали...

И кто их только выдумал этих большевиков! Хотят чтобы революция без чаевых была, — да нешто это видано в хорошем ресторане?!

Пресвятая богородица, спаси и помилуй хороших господ и сохрани на веки вечные чаевые их... Аминь... Аминь... Ами...

И заснул на этом слове старый лакей.

Петр Ашевский

ГРЯЗНОЕ ДЕЛО

— Вы не знаете за что его вычистили?

— Говорят, на руку был не чист.

ИДИЛЛИЯ

В Красноярске, в доме инвалидов, имеются два гроба. Когда нет покойников в них возят глину, известь и т. п. материалы, а если случаются покойники, то их довезут до кладбища, вывернут, а гробы везут обратно.

Рис. А. Радакова

— Петрович, ты скажи этим своим старым кочерыжкам, чтобы на этой неделе не помирали. Вот отстираюсь, капусту будем рубить: посуда-то нужна!

ОТКРЫТИЕ НАВИГАЦИИ

И тут, и там растаял лед,
Ликует край полей и фабрик:
За пароходом пароход
К портам свободным правит ход
И... за „корабликом“ „кораблик“,
Искусно сделанный из нот,
В архив Чичерина плывет.

В. К.

„ПРЕСТУПНАЯ АГИТАЦИЯ“

Советский червонец — пользуется большим успехом на Нью-йоркской бирже. (*Из газет*).

Мистер Юз мячиком вылетел из автомобиля' остановившегося у Белого Дома, и влетел в кабинет самого президента.

— Есть, — кричал мистер Юз. — Пойманы с поличным, теперь уже никакие объяснения не помогут.

Президент Куллидж попробовал успокоить своего ближайшего помощника:

— Что с вами, мистер Юз? Успокойтесь. Выпейте воды. Смотрите, с вас градом нефть льет. Вытритесь, дорогой друг. Что случилось?

— Что? Советское правительство уличено в злостной агитации, вот что.

Президент Куллидж только рукой махнул:

— Ну, опять какую-нибудь фальсификацию придумаете. И так оскандалились на целый мир. Никак оправиться не можем.

Но неугомонный Юз на этот раз торжествовал:

— Нет, извините. Имею неоспоримые данные. И много данных. Злостная агитация Коминтерна. И где? В центре Америки! В Ньюйоркском Сити?

— Вы с ума сошли, мистер Юз?

— Извольте убедиться: вот он, вот он перед вами!

Президент взял золотую монету, повертел ее в руках и простонал:

— Золотой червонец? Да, это неприятно. Но агитации я здесь не вижу.

— Не видите? А это что: „пролетарии всех стран соединяйтесь“? Всех стран, значит и Соединенных Штатов. Значит, они призывают наших рабочих соединяться? И где? На золотых монетах! И это имеет свободное обращение на нашей бирже! И это творится под прикрытием мирных отношений!

Мистер Юз отпил из стакана воды и расстегнул воротник. Он задыхался.

На Нью-Йоркской бирже особенно интересовались золотым червонцем.

Маклера и прочие господа в цилиндрах кричали до хрипоты:

— Беру русские золотые червонцы!

Их было мало, спрос был большой. Мальчики спешили к телефонам, сбивая с ног важных господ, а с их голов блестящие цилиндры.

— Берем золотые червонцы.

Мистер Юз сам телефонировал своим агентам:

— Интересуйтесь золотыми червонцами.

На заседании Совета Министров — мистер Юз горячо говорил о предательстве советского правительства, пустившегося на такие безумно дерзкие способы „агитации и пропаганды идей Коминтерна“.

— Впрочем, — добавил министр, — наше правительство приняло мудрые меры, и все золотые червонцы с ужасной агитационной надписью: „пролетарии всех стран, соединяйтесь“ будут распределены между банкирами и лицами того класса, на который эта крамольная надпись не окажет тлетворного влияния. К рабочим эти злонамеренные золотые монеты — не попадут.

Парламент бешенно аплодировал.

Вечером мистер Юз писал очередную „ноту протеста“ в Москву.

Б. Флит (Незнакомец)

ЧТО У КОГО БОЛИТ

Безработный, услышав спор: нужен или не нужен обеденный перерыв — сказал:

— Двух мнений тут быть не может: у меня обеденный перерыв тянется уже целый месяц, и я так отощал, что кажется, согласился бы беспрерывно обедать.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ И „СМЕХАЧ“.

Бывает иногда так: вберешь в себя то или другое явление целиком, воспримешь, восчувствуешь, осмыслишь — а какая-нибудь деталь ускользнет от внимания! Без детали-же этой—всему восприятию грош цена, и не осмысление получается, а бессмыслица.

Случилось нечто подобное и с картиной художника Лаховского. Критики о ней с большим одобрением отозвались: и колорит свежий, и настроения много, и рама хорошая. Поощрительную премию дали. Но всмотреться в картину, так и не всмотрелись. И пошла картина в ход под названием: „Базар в старом городе“. А это вовсе не базар, а совсем обратное: крестьяне села Малые Луки подписываются на журнал „Смехач“. Вон даже вывеска на стене на это самое указывает.

И в самом деле: на что-же им, крестьянам из Малых Лук, и подписываться, если не на „Смехач“?

Журнал первоклассный, сатирический. На лучшей бумаге. В три краски. С участием самых выдающихся сил. И условия сходные:

на 1 месяц	— р. 35 к.	на 3 месяца с газ. „Гудок“.	3 р. — к.
„ 1 „ с газ. „Гудок“ .	1 „ — „	„ 6 месяцев	2 „ — „
„ 3 „	1 „ — „	„ 6 „ с газ. „Гудок“ .	6 „ — „

И подписываться можно: тем, кому до Москвы ближе—в Москве: Солянка, 12, Дворец Труда, Гл. Контора „Гудка“. А тем, кому в Ленинграде сподручнее—в Ленинграде: просп. Володарского, 53-а, Кн. Склад ЦК железнодорожников.

А критики... Ну, да уж известно: критики! Критикам закон не писан!

СЛОН

В нашем городе слоны не водятся. Собак, действительно, много, но куда-же собаке против слона! У слона и хобот, и кость слоновая, и все в соответствии. А собака — что? Лает — и только.

Не водятся в нашем городе слоны.

Был один, да и тот приезжий. С цирком Гагенбека приехал. Настоящий был слон, представительный. Сорок человек выгружали клетку. Вдова предъисполкома как взглянула, так и грохнулась. С непривычки: не водятся слоны в нашем городе.

Не пришлось нам, однако, живого слона видать. Цирк сколачивали — слон был брезентом покрыт. Кто живого слона даром показывать станет? Стоит, покачивается, как воздушный шар на привязи. Моча Африкой пахнет.

Цирк достроили — слон захворал.

Позвали ветеринара, да что толку. Слона надо лечить умеючи. А ветеринар — ветеринар наш, кроме коровы, зверей не видал: в нашем городе слоны не водятся...

Приходит ветеринар в цирк, слышит: словно бабой сваи заколачивают.

— Это что? — спрашивает.

А Гагенбек ему:

— Извините, это у моего слона сердцебиение.

Одно слово: слоновье сердце. А ветеринару и невдомек было: не водятся слоны в нашем городе!

Приложил ветеринар трубку к груди слоновой — чуть-чуть не оглох.

— Увольте, — говорит, — я человек семейный. А по телефону слона выслушать могу.

Подвели слона к телефону, а ветеринар у себя на квартире слушает.

— Да, говорит, сердцебиение в международном масштабе.

И прописал рецепт: ведро валерьяновых капель.

Только капель у нас на ведра не продают (слоны в нашем городе не водятся!). Аптекарь последние капли вдове предъисполкома отдал: очень растревожилась женщина, слона увидевши. Не водятся в нашем городе слоны!

Так и помер слон раньше, чем мы его увидели.

А собак — собак у нас сколько угодно. Только куда-же собаке против слона! У слона и хобот, и кость слоновая. А собака — что? Лает да и только.

И хоть-бы одна подохла. Так нет-же!

А вот — слон...

Не живут в нашем климате слоны!

Эммануил Герман

СТАРЫЙ ВЕТЕРАН

Рис. В. Козлинского

Тут недавно праздник был — юбилей Красной Армии. Хотел я свои воспоминания в какой-нибудь орган пристроить — не берут черти липовые, не хочут. Ходил, ходил — ни в какую — отказывают.

Я говорю:

— Если денег, например, нету у вас в органе, то я обожду, надо мной не каплет. Печатайте.

А они насчет денег ничего утвердительного не говорят, но печатать отказывают.

Дозвольте уж мне, уважаемые редакторы, поместить в вашем полупочтенном органе свои славные воспоминания про Красную Армию, и как, знаете ли, меня забрали в ее ряды и как после того погнали на фронт.

Чудные и светлые воспоминания!

В настоящее время, когда государство перешло на мирное строительство, я тоже по прежнему торгую на рынке орешками и сластями. Но в эти торжественные дни, как старый боевой конь при звуках военной трубы, я записываю свои воспоминания, хотя супруга Дарья Васильевна лезет драться по морде и умышленно опрокидывает пузырек с чернилами, требуя, чтоб я прекратил писание.

Уважаемые редакторы, извините ей, старой бабе, — не ведает, что творит. Не понимает она всей военной славы.

И где ж ей понять? Это я, в свое время, действительно, ходил по улицам, присоединяясь к какой-нибудь демонстрации и громко крича ура.

А раз проходя по улице Герцена со стягами, я увидел такую картину. Смотрю, будто на углу народ скопился и жадно что то читает.

Подхожу.

— Чего, спрашиваю, — пишут? Не дорогие ли лозунги напечатаны?

— Нету, — говорят, — это не лозунги, это в Красную Армию берут.

Екнуло у меня сердце от предчувствия и задрожали руки. Попался, думаю, забрили.

Но вслух говорю равнодушно:

— Да ну, — говорю, — какие же года берут? Неужели же и 83 год берут?

— Да, — говорят, — берут.

— Позвольте, — говорю, — а может я нездоровый, может я ружье не подыму, как же так?

— Не знаем, — говорят, — обратитесь в военный комиссариат.

Побежал я в комиссариат. А настроение плохое, — хоть в речку с моста. Но бодрюсь. Не сдамся, думаю, даром.

Прихожу.

Сидит этакий белобрысенький, в картузе, и из пузырька пишет.

— Здравствуйте, — говорю. — Берут, говорю, 83 год или это сущие враки?

— Да, — говорит, — берут.

— Позвольте, — говорю, — может я больной, может у меня внутри чорт его знает чего делается?!

— Подавайте, — говорит, — на врачебную комиссию.

— Пожалуйста, — отвечаю.

Записал он меня на комиссию и просит уйти честью. Ну, ушел.

Вышел на улицу. Опять демонстрации ходят. Пошел и я за стягами. Иду, кричу дорогие лозунги, вдруг женин папашка навстречу прется.

— Мое, — говорит, — вам Не берут ли, говорит, в армию?

— Берут, — говорю, — чего и делать не знаю.

А женин папашка отвечает:

— Можно, — говорит, — ногу ляписом прижечь или же купоросом.

— Да уж, — говорю, — я про это думал. Небось, черезчур больно и попасться можно.

— Да уж, — говорит, — не без того.

Хотел я за эти слова женину папашке по роже ударить, но удержался Думаю: не ведает, что творит.

Попрощался с ним грустно и домой пошел.

Прихожу домой и обдумываю, чего делать.

А была у меня болезнь: в 18 году объелся я пшеном. Очень даже сильно меня рвало и несло. И были свидетели — жена и квартирный жилец Егор Пятин.

Ладно, думаю, возьму их в свидетели.

И вот наступила комиссия. Беру свидетелей и иду.

Являюсь.

Вызывают фамилию на Кы — Кукушкин. Подхожу. Почтительно здороваюсь за руки.

— Чем, — говорят, — страдаете? Все ли на руках пальцы.

— Пальцы, — говорю, — все, можете проверить, а животом действительно страдаю и по ночам блюю.

Пощупали живот и говорят:

— Здоровый. Подходи, который следующий.

— Позвольте, — говорю, — как это здоров? У меня, говорю, свидетели есть.

И зову свидетелей.

Является жена и Егор Пятин. Здороваются с комиссией.

А врачи как один, руками машут и не хотят здороваться. И не только не хотят здороваться, а и слушать их не желают.

Хотел я старшему из комиссии в бороденку плюнуть — удержался. Не ведает, думаю, что творит.

Ну, вижу, сорвалась вся музыка. Надо, думаю, поступать в Армию. И тут же поступил.

Ну, поступил. Две недели проходит — пожалуйте, гражданин Кукушкин, на фронт честью просим.

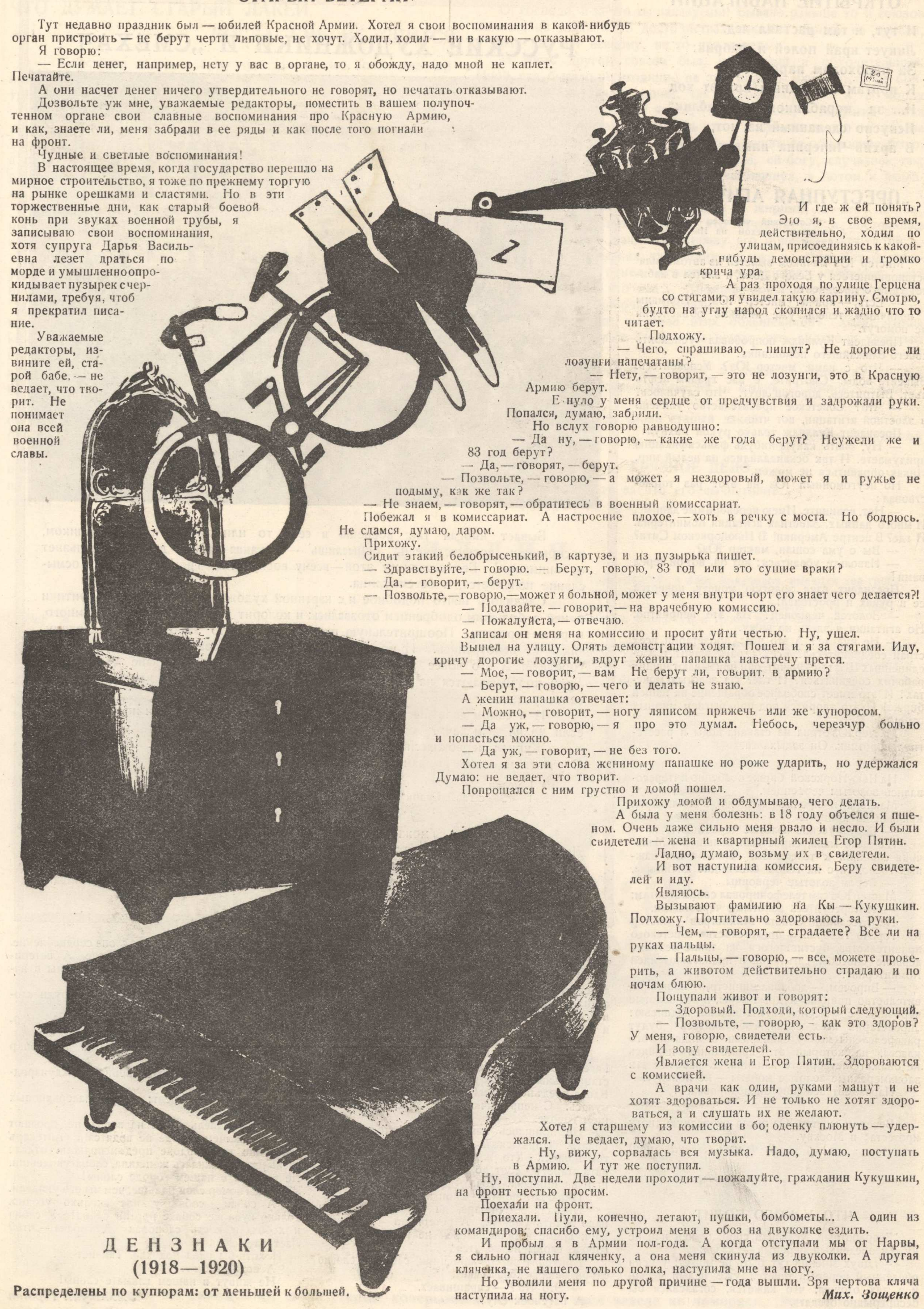
Поехали на фронт.

Приехали. Пули, конечно, летают, пушки, бомбометы... А один из командиров, спасибо ему, устроил меня в обоз на двуколке ездить.

И пробыл я в Армии пол-года. А когда отступали мы от Нарвы, я сильно погнал кляченку, а она меня скинула из двуколки. А другая кляченка, не нашего только полка, наступила мне на ногу.

Но уволили меня по другой причине — года вышли. Зря чертова кляча наступила на ногу.

Мих. Зощенко

ДЕНЗНАКИ
(1918—1920)

Распределены по купюрам: от меньшей к большей.

„ТАКСА“

Рис. А. Р.

— У-у, подлая! Опять тут путается!

БЛАГОДЕТЕЛИ

— Чорт знает, сколько накопилось хлама! — сказал владелец книжного склада „Нос по ветру“, указывая компаньону на брошюры и книги, сваленные в заднем отделении. — Зря место занимают...

Компаньон нагнулся и поднял тощую книжонку.

— М-да... „Сила веры и молитвы. Изд. святейшего Синода“... Тут всё неходкий товар, безусловно запрещенный к продаже. Что?

— На обертку предложите — в мелочную, Стервякину...

— Он уже взял полную Вербицкую; говорит, — на месяц хватит заворачивать. Что?

— Во всяком случае, нужно куда-нибудь убрать. Придумайте

— Я уже гениально придумал: пожертвуем демобилизованному красноармейцу. Что? По крайней мере, реклама...

— Можно... Только вы отберите, что получше: оставим для себя

Спустя час компаньон сидел на корточках, перебирал книги и, время от времени, кричал владельцу „Носа по ветру“.

— „Курс кройки, примерки и шитья детских нарядов“... Отдавать или нам?

— Какого года?

— 1887-го. Что?

— Отдавайте. В деревне моды запаздывают...

— Они же все ровно выкурят!.. „Как построить дешевый каменный особняк для одного семейства“... Первых десяти страниц не хватает... Отдавать?

— Отдавайте Нужно, чтобы и деревня строилась заново... Тем более, раз не хватает десяти страниц...

— „От божьего ока не укроешься“.. „За царем служба“... Ну, это не для нас. „Домашнее приготовление пива, меда и вина“... Это пускай, тоже в деревню: мы же имеем готовое! „Прейскурант Мюр и Мерелиз на 1910 год“... Это тоже не для нас. „Телефонный указатель 1914 года“... Хорошо! пускай знакомятся с телефонами...

Если вы, читатель, зайдете в магазин „Нос по ветру“,—вы увидите этих людей, чьи лица светятся сознанием выполненного гражданского долга.

Они терпеливо ждут заслуженной награды.

И дождутся, — как уже дождалось издательство „Новая Москва“ (см. „Правду“, № 71, статья „Чем снабжают демобилизованных“)...

От народного ока не укроешься!

Б. Владимиров

ПАЛКИ В КОЛЁСАХ

СКВЕРНЫЕ ВЕСТИ ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКА

Благовещенское правление нарпитовцев

постановило „исключить 16 членов союза, за отсутствием на них протокольных постановлений и так как некоторых из них старое правление приняло в момент состояния безработицы, чем усилило кадр безработных.

Боже-ж ты мой! Нет протокольных постановлений? Только и всего?! Да пойдите вы в новое правление, да назовите вы этих умных людей настоящими (старыми!) именами...

Ничего, что обидятся, главное — немедленно *составят протокол* (об „оскорблении“).

И тогда отпадет ссылка на „отсутствие протокольных постановлений“.

Из протокола (№ 2) общего собрания нарпитовцев.

Слушали: об укомплектовании ликпунктов.

Постановили: Общее собрание призывает всех неграмотных записаться в ликпункты.

Чтобы попасть в ликпункт, *неграмотный* должен *записаться*, а писать он не умеет...

Как же принять без записи?

А ежели сумеет записаться, значит — *грамотен*. И опять неладно: Зачем грамотного человека в ликпункт принимать?

Вот она какая закорючка для формалистов-законников!

БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ

Наглядность прежде всего.

В Твери, на ф-ке „Пролетарка“ отрезало у рабочего два пальца. Жена его обратилась за отпуском к мастеру Масленникову. Тот отказал, потребовав удостоверения. Жена принесла завернутые в бумагу отрезанные пальцы и... Масленников удовлетворился этим удостоверением!

Наивный мастер! Еслиб он был юристом, он знал бы что, пальцы только вещественное доказательство, а не письменный документ. И что можно работницу все-таки погнать за удостоверением!

СМЫЧКА С ДЕРЕВНЕЙ

Выписка № 1934 из протокола № 75 заседания завкома Прибайкальского стеклозавода:

„... т. А? докладывает, что завод посетил крестьянин, у которого спрятали ножик и положили ему кусок горячего стекла в карман“.

Здорово понимают в Прибайкалье смычку с крестьянством! Тут вам и товарообмен и снабжение деревни предметами широкого потребления! Чего вам еще?

РАЗНЫЕ ПРИЧИНЫ — ОДНО СЛЕДСТВИЕ

— Вы за что арестованы?

— Я за незаконное повышение цен. А вы?

— А я за незаконное понижение ставок.

ОБИДЕЛИ

— Толкуете все: скорая медпомощь, скорая медпомощь... А сами прописываете: принимать через час по чайной ложке. Раз скорая, можно бы и поскорее! Обман только один!

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

Рис. В. К.

В Донбасе, в целях борьбы с симуляцией, пособие по временной утрате трудоспособности выдается только с третьего дня болезни. (*„Труд“*)

— Ну, как больной?
— Вчерась помер...
— А сколько болел?
— Двое суток отмаял...
— В таком случае, завтра может получить пособие.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский гублит № 5231. Типо-Литография „Красный Печатник“ Ленинград. Международный, 75. Тираж 40.000 экз.

ВОЙНА

Рис. А. Радакова *Текст Дм. Цензора*

Пока рабочий строит хмуро
Великий быт своей страны —
Растет зловещая культура
Порабощенья и войны.

В огромных колбах, словно в горнах, —
Чтоб легче мир разрушить весь
Энергий страшных, ядов черных
Кипит чудовищная смесь.

Бушуют страсти хищной злобы.
По нивам угнетенных стран
Из трупов смрадные сугробы
Взметает Всадник-Великан.

Старик плешивый и безглазый,
Все разрушающий до тла,
Струящий огненные газы,
Испепеляющий тела.

Война ужасней в новом гриме!
Очки на впадины надев,
Она теперь — ученый химик,
Она веселый фармацевт...

Кует Европа ковы злые.
Пока грозит тебе вражда —
Твори и строй, — крепи, Россия,
Границы мирного труда!